

HAL
open science

**Дискурсивный анализ семантической парадигмы
”европеец / космополит / глобалист”**

Ludmila Kastler

► **To cite this version:**

Ludmila Kastler. Дискурсивный анализ семантической парадигмы ”европеец / космополит / глобалист”. Tradycja i nowoczesnosc, 2015, Cracovie, Poland. <hal-02077429>

HAL Id: hal-02077429

<https://hal.science/hal-02077429>

Submitted on 22 Mar 2019

HAL is a multi-disciplinary open access archive for the deposit and dissemination of scientific research documents, whether they are published or not. The documents may come from teaching and research institutions in France or abroad, or from public or private research centers.

L’archive ouverte pluridisciplinaire HAL, est destinée au dépôt et à la diffusion de documents scientifiques de niveau recherche, publiés ou non, émanant des établissements d’enseignement et de recherche français ou étrangers, des laboratoires publics ou privés.

Л.А. КАСТЛЕР

(Université Grenoble Alpes, France)

ДИСКУРСИВНЫЙ АНАЛИЗ СЕМАНТИЧЕСКОЙ ПАРАДИГМЫ «ЕВРОПЕЕЦ/ КОСМОПОЛИТ/ГЛОБАЛИСТ»

Тема нашего исследования вписывается в проблематику Французской школы анализа дискурса, зародившейся во Франции в 60-е годы XX столетия и связанной с такими именами, как Мишель Фуко, Луи Альтюссер, Мишель Пешё. В 1999 году в Москве был издан на русском языке сборник статей ведущих представителей этой лингвистической школы под редакцией Патрика Серио¹. В своей вступительной статье П. Серио отмечает, что, несмотря на отдельные устаревшие утверждения основателей этой школы, основные их идеи во многом определили развитие одного из важнейших направлений современной лингвистики – анализа дискурса². Такие концепты, как «дискурсивная формация», «дискурсивный процесс», «интердискурс» и некоторые другие, по-прежнему используются в современных лингвистических исследованиях.

Данная статья посвящена анализу дискурсивной истории трёх концептов – *европеец*, *космополит*, *глобалист*. Нас интересует вопрос, как происходит производство смыслов, иными словами, как меняется смысл одного и того же слова при его переходе из одной дискурсивной формации в другую, какие новые оттенки смысла или коннотации появляются в ходе дискурсивного процесса. Мы понимаем дискурс как высказывание (или текст), рассматриваемое с точки зрения условий производства высказывания, то есть контекста и/или речевой ситуации, а также социальной группы, к которой принадлежит субъект высказывания, разделяющий её ценности³.

¹ Серио П. (ред.), *Квадратура смысла: Французская школа анализа дискурса*, пер. с фран. и португ., Москва, 1999.

² Серио П., *Как читают тексты во Франции*, [в:] *Квадратура смысла : Французская школа анализа дискурса*, с. 12-53.

³ Adam J.-M. *La linguistique textuelle. Introduction à l'analyse textuelle des discours*, Paris, 2006, с. 28.
См. также другие трактовки понятия дискурса[в:] Макаров М.Л., *Основы теории дискурса*, Москва, 2003, с. 85-100.

Два из исследуемых нами концепта *европеец* и *космополит* представляют собой константы русской культуры, согласно терминологии Ю.С. Степанова⁴, которые формировались по меньшей мере в течение двух столетий. Нас особенно интересуют различные оттенки смысла, которыми наделялись эти понятия в различных дискурсах в ту или иную историческую эпоху. Недавно появившееся понятие *глобалист* принадлежит к совершенно новому дискурсивному пространству, но коррелирует, в той или иной степени, с традиционными концептами *европеец* и *космополит*.

Примеры, используемые в данном исследовании, были заимствованы из самых разных источников, в частности, из Национального корпуса русского языка⁵, а также из различных толковых словарей русского языка.

Космополит эпохи XIX - начала XX вв.

Слово *космополит* является одним из наиболее репрезентативных примеров изменения смысла в зависимости от дискурсивной формации, в которой циркулирует данное понятие. В русской литературе и публицистике это слово стало использоваться в первой трети XIX в., в частности, мы находим его в 8-ой главе романа в стихах «Евгений Онегин» А.С. Пушкина в сцене появления Онегина на светском рауте после его долгого отсутствия в Петербурге :

Чем ныне явится? Мельмотом,
*Космополитом*⁶, патриотом,
Гарольдом, квакером, ханжой,
Иль маской щегольнет иной [...]
(А.С. Пушкин, *Евгений Онегин*, 1823-1831).

Ближайший контекст слова *космополит*, в котором оно противопоставлено слову *патриот*, позволяет понять, что смысл этого слова у Пушкина близок к его этимологическому значению, восходящему к греческому *kosmopolitēs* - гражданин мира.

⁴ Степанов Ю.С., *Константы: словарь русской культуры*, издание 3-е, Москва, 2004, с. 84-85.

⁵ www.ruscorpora.ru/

⁶ В этом и последующих примерах анализируемые слова выделены курсивом.

В высказывании М.Н. Загоскина, писателя первой половины XIX в., автора исторических романов, развивающих тему русского патриотизма, чувствуется неприкрытая ирония по отношению к тем, кого в те времена называли космополитами:

Космополит, сиречь человек гуманный, не хочет знать никакой исключительной любви; он любит всех одинаким образом и заботится не о частном благе одного поколения или одного народа, но о всемирном, общем благе всего рода человеческого; для него мало быть хорошим отцом семейства, полезным членом общества, верным сыном своей родины - он выше всего этого: он гражданин вселенной. (М. Н. Загоскин, *Москва и москвичи*, 1842-1850).

Между тем, к середине 50-х годов XIX столетия патриотический дискурс теряет свой доминирующий характер в условиях реформ, предпринятых Александром II, и очередного поворота российской элиты в сторону Европы. Именно в это время обостряются идеологические споры между славянофилами и западниками. В этом контексте наибольший интерес для нашего исследования представляют высказывания Ф.М. Достоевского, который в эти годы занимал, как известно, позиции почвенничества и постоянно размышлял о взаимосвязи русского образованного человека с европейской и мировой культурой :

Так как я вижу, что нет *космополита*, кроме русского, стало быть, это существенная черта русского, вот его и особенность. (Ф. М. Достоевский. Записные книжки, 1850-1881).

В своей знаменитой Пушкинской речи 1880 года, которая на короткий период примирила славянофилов и западников, Достоевский показал на примере великого поэта, что можно быть носителем «национальной русской силы» и «духа русской народности» и одновременно настоящим космополитом в смысле открытости всему миру и всему человечеству:

Нет, положительно скажу, не было поэта с такою всемирною отзывчивостью, как Пушкин, [...] ибо тут-то и выразилась наиболее его национальная русская сила, выразилась именно народность его поэзии [...]. Ибо что такое сила духа русской народности как не стремление ее в конечных целях своих ко *всемирности* и ко *всечеловечности*? (Ф.М. Достоевский, *Пушкин*, Дневник писателя, 1880).

Такое понимание космополитизма как «всемирности и всечеловечности», иными словами, как стремление к универсальности, допускающее возможность быть в равной степени русским и одновременно гражданином мира, представляется более широким, чем обычное определение этого понятия, которое мы находим, например, в *Толковом словаре живого великорусского языка* Владимира Даля, первое издание которого

датируется 1863-1866 гг.⁷ Для Достоевского эталоном открытости миру (всемирности, по словам писателя) был именно Пушкин, хотя трудно было бы назвать поэта космополитом в прямом значении этого слова, ведь царь Николай I ни разу не позволил ему выехать за границу. В советское время людей, которых не выпускали за рубеж, называли «невыездными», может быть, именно отсюда – от невозможности увидеть другой мир своими глазами - и возникало стремление к всемирности, к мировой культуре. В годы «железного занавеса» внутренний космополитизм был присущ многим представителям творческой интеллигенции.

Как ни странно, с приведенными выше высказываниями Достоевского, вписывающимися в универсальный дискурс, перекликаются и размышления Марины Цветаевой о Бальмонте и Пушкине, которые она изложила в очерке, написанном в 1925 г. в Праге по поводу смерти Валерия Брюсова:

Страна больше, чем дом, земля больше, чем страна, вселенная больше, чем земля. Не-русскость (русскость, как составное) и русскость⁸ Бальмонта – вселенскость его. Не в России родился, а в мире. Только в единственном русском поэтическом гении – Пушкине [...] мир не пошел в ущерб дому (и обратно). В Бальмонте же одолел – мир. Зачарованный странник никогда не вернулся домой, в дом, из которого ушел – как только в мир вошел! (М. Цветаева, *Герой труда*, 1925).

В целом, значимость концепта *космополитизм* в дискурсивном пространстве дореволюционной России была прекрасно проиллюстрирована в статье, посвященной этому понятию в *Энциклопедическом словаре* Брокгауза и Эфрона, издававшемся в Санкт-Петербурге в конце XIX – начале XX вв. :

Весьма часто К. (*космополитизм*-Л.К.) берется лишь в отрицательном смысле, как простое отсутствие патриотизма или привязанности к своему народу и отечеству, как будто теряющему всякий интерес с точки зрения универсальных идей. Такое понимание дела неправильно. Мысль о целом не упраздняет реального значения частей; как любовь к отечеству не противоречит непременно привязанности к более тесным социальным группам, напр., к своей семье, так и преданность всечеловеческим интересам не исключает патриотизма. (Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона.- С.-Пб, 1890—1907).

Русский человек на rendez-vous с Европой

⁷ *Космополит* – всемирный гражданин; человек, не признающий особых отношений родины, вселенец, вселенщина.

⁸ Мы исследовали концепты *русскость/не-русскость* в нашей статье Ludmila Kastler, *Histoire discursive des mots : russité/non-russité*, [в:] V. Beliakov (dir), *La société russe à travers les faits de langues et les discours*, Dijon, 2009, s. 67-76.

В XIX в. само слово *космополит*, такое необычное по форме и имеющее явное иностранное происхождение, оказывало завораживающее воздействие на пытливые русские умы, но чаще употреблялось все-таки более близкое и понятное слово *европеец*. В контексте неизменного противостояния между славянофилами и западниками именно Европа вызывала самые бурные споры. Впрочем, в наше время россияне, побывавшие в европейских странах, также много спорят о российском пути развития по сравнению с европейским.

Анализ контекстов XIX в., в которых употреблены слова *европеец*, *европейский*, выявил, что в качестве их антонимов используются слова *русский*, *москвич* или даже *азиат*, *азиатский*, как это видно из следующих примеров:

Князь же, напротив, находил за границей все скверным, тяготился европейской жизнью, держался своих *русских* привычек и нарочно старался выказывать себя за границей менее *европейцем*, чем он был в действительности. (Л.Толстой, *Анна Каренина*, 1875-77).

Племянник Зориной, Прилуцкий, красивый мужчина лет тридцати пяти, по рождению — *москвич*, по воспитанию - *западный европеец*. (М. Загоскин. *Москва и москвичи*, 1842-1850).

Ты, можно сказать, *европеец*, а тут, брат, *азиатское* дело.(М. Агеев. *Роман с кокаином*, 1934).

Другие примеры связаны скорее с пониманием европеизма с точки зрения таких черт, как воспитанность, соблюдение этикета, манера одеваться, а также образованность и высокий уровень культуры:

И теперь, продолжая чистить ногти, хотя перед ним уже поставили и устрицы и вино, он чувствовал себя уверенно, как *прирожденный европеец*, *представитель старой, прочной культуры*. (А. Толстой. *Похождения Невзорова, или Ибикус*, 1924).

Исчез *европеец* не только по манерам, привычкам, образованности и близкому знакомству с заграничной жизнью, на которую он смотрел без рабского перед нею восхищения, но *европеец* в лучшем смысле слова, служивший всю жизнь *высшим идеалам общечеловеческой культуры*, без национальной, племенной и религиозной исключительности. (Памяти П.Д. Боборыкина, 1921).

Последний пример свидетельствует о том, что понятие *европеец* сближается иногда с понятием *космополит*, в тех случаях, когда речь идет о людях универсальной (общечеловеческой, всемирной) культуры.

Судьба космополита в советское время

В первые годы советской власти слово *космополит* использовалось в значении «тот, кто не привязан к какому-либо определенному месту, мигрант», т.е. без всяких отрицательных коннотаций⁹. В 1935 г. был опубликован первый том *Толкового словаря русского языка* под редакцией Ушакова, в котором данное слово трактовалось достаточно традиционно:

Космополит - [греч. *kosmopolitēs* от *kosmos*-вселенная и *politēs*-гражданин] (книж.) человек, не считающий себя принадлежащим к какой бы то ни было национальности, собственно признающий весь мир своим отечеством. (Ушаков, т.1, 1935).

Однако после окончания Второй мировой войны слово *космополит* приобрело совершенно неожиданный смысл. В 1948-1949 гг. началась инициированная Сталиным и Ждановым кампания борьбы с «низкопоклонством перед Западом», имевшая несомненный антисемитский характер. Такие словосочетания, как «человек без роду и племени» и особенно «безродный космополит» использовались фактически в качестве эфемизмов, под которыми подразумевались представители еврейской научной и творческой интеллигенции, многие из которых лишились в тот период работы, а некоторые из них были даже арестованы. В официальном дискурсе той эпохи космополитизм был объявлен «буржуазной реакционной идеологией»:

Космополитизм - буржуазная реакционная идеология, отвергающая национальные традиции, проповедующая отказ от *патриотизма* и *национальной* культуры под лживым лозунгом «человек – *гражданин мира* » (Словарь современного русского языка, 1956).

Ю.С. Степанов справедливо заметил в своем словаре русской культуры, что в официальной советской идеологии определение космополитизма противопоставлялось определению пролетарского интернационализма, хотя на самом деле эти понятия были близки по своей сути¹⁰. Писатель Юрий Нагибин также заметил в своей автобиографической повести «Тьма в конце туннеля» сходство этих двух понятий:

Кампания борьбы с космополитизмом была глупа по изначальной формулировке, ведь *космополит*, *космополитизм* — от века высокие слова, означающие приятие мира в целом, свободу от *узких национальных амбиций*, в сущности, это тот же интернационализм - основа советской идеологии, которую Сталин предал. (Ю. Нагибин. *Тьма в конце туннеля*, 1994).

⁹ А.В. Зеленин, *Космополиты и почвенники*, [в:] Русская речь, <http://russkayarech.ru/files/issues/2003/1/22-zelenin.pdf>, с. 115-116.

¹⁰ Ю.С. Степанов, там же., с. 148-149.

После смерти Сталина слово *космополит* употреблялось довольно редко в виду его двусмысленности и тех негативных коннотаций, которые связывали его с поздним сталинским периодом. Впрочем, в устной речи, как вспоминает Юрий Манн в своих мемуарах, был популярен краткий анекдот: «Что такое *космополит*? — Заместитель космонавта по политчасти»¹¹. Однако в письменной речи, особенно в газетном стиле настороженность ко всему космополитическому, а также европейскому сохранялась вплоть до распада СССР, когда исчез «железный занавес», и возникла новая дискурсивная формация, в которой старые и почти забытые слова получили новое прочтение.

Конец XX - начало XXI вв: европеец/космополит/глобалист

В новом дискурсивном пространстве исследуемые нами слова *космополит* и *европеец* используются, как правило, в их традиционном значении, к которому могут добавляться различные стилистические коннотации и смысловые оттенки в зависимости от контекста:

Для Эренбурга, *космополита*, обжившего *глобус*, земля есть *братство* художников. (Вайль, Генис, *Мир советского человека*, 2001).

Теперь уже *космополит* противопоставляется не патриоту, как это было в XIX столетии, а националисту, государственнику или советскому руководству, как это явствует из следующих примеров:

Сердце Набокова разговаривало по-русски, но сам он не принадлежал никакой стране. В сознании *националистов* он *космополит*. Но космополит – это гражданин внешнего мира, а он был гражданином внутреннего. (С.Новопрудский, *Гражданин внутреннего мира*, Gazeta.ru, 2005).

Путин — *государственник* до мозга костей, Ходорковский — *космополит*, «*гражданин мира*» и носит родину на подошвах своих башмаков. (В.Сердюченко. *Новейшие российские конфигурации. Кто кого?* // «Лебедь», Бостон, 2003.07.14).

Понятно, что *космополитическая* суть [нобелевской] премии, независимость, непредвзятость были неприемлемы для *советского* руководства (А. Блох, *Почему в России так мало нобелевских лауреатов?*, Известия, 16.08.2001).

Впрочем, как и в XIX в., авторы различных текстов, используя данные слова, зачастую помещают их в иронический или юмористический контекст:

¹¹ Ю. Манн, *Память-счастье, как и Память-боль...*, «Знамя» 2009, <http://magazines.russ.ru/znamia/2009/5/ma10.html>

Диссидент, лагерник, эмигрант; плюралист, а то и, не к ночи будь сказано, *космополит*; (С. Гедройц. В. Шаров. *Воскрешение Лазаря: Абрам Терц / Андрей Синявский*. «Звезда», 2003).

В этом семантическом ряду, отмечающем различные ипостаси Андрея Синявского, особенно интересна, на наш взгляд, сочетаемость слова *космополит* со словом *диссидент*. Взаимосвязь между этими понятиями заметил также Ю.С. Степанов, говоря об интуиции советских идеологов, когда они предприняли в конце 1940 гг. борьбу с «безродными космополитами»: «*Космополитизм ("буржуазный")* в советской жизни 1947-1949 гг. – это отдаленное предчувствие *диссидентства*»¹².

Отголоски традиционных споров между славянофилами и западниками доносятся до нас в двух следующих примерах, в одном из которых Захар Прилепин с большой долей иронии неопочвенника высказывается о своих идейных антагонистах, в то время как известный журналист Антон Красовский проповедует западные ценности:

Хотя, впрочем, есть и *европейские вещи* у нас. *Европейский* писатель Акунин. *Европейский* режиссёр Звягинцев. Ну, то есть, возможно, Акунину или Звягинцеву хотелось бы так о себе думать. (Захар Прилепин, *Русские – не европейцы*, <http://prilepin.livejournal.com>).

Я русский – и я европеец. Я хочу, чтобы Россия была членом ЕС. Я считаю, что я имею право ездить в Афины и Хельсинки без виз. И я хочу гарантировать безопасность Евросоюза. *Я русский – и я европеец* и хочу, чтоб тут – в моей стране – были свободы, записанные в моей Конституции. (Антон Красовский, *Эхо Москвы*, январь 2015).

Как говорится, новое – это хорошо забытое старое. Но есть в российском дискурсивном пространстве наших дней и действительно новые понятия, возникшие совсем недавно, среди которых *глобалист*, т.е. сторонник глобализма и его антоним *антиглобалист* пользуются особой популярностью. Глобализм, близкий по смыслу к космополитизму, трактует более специфические проблемы (экологические, энергетические, продовольственные, демографические, и т.д.), свойственные современной цивилизации, а также те стратегии, которые могут предотвратить самоуничтожение человечества¹³. Можно сказать, что эти понятия находятся в родовых или гипер-гипонимических отношениях, где гиперонимом будет космополитизм, а гипонимом – глобализм. Иллюстрацией этому может служить следующий пример, взятый из интервью с Сергеем Ковалевым:

¹² Ю.С. Степанов, там же, с 150.

¹³ *Новая философская энциклопедия*, <http://iph.ras.ru/elib/0802.html>

Я вообще по своим убеждениям *космополит* или, как теперь модно говорить, «глобалист». И я полагаю, что право народов на самоопределение - если, как и большинство исследователей, подразумевать под ним право на самостоятельную государственность - это довольно опасный или, во всяком случае, неприятный атавизм. Это центристское движение, которому в современном обществе противостоят идеи глобализации, о которых совсем недавно еще не было слышно. (Ковалев С.А., *Право на самоопределение и будущий миропорядок* // «Неприкосновенный запас», 2003, №2).

Наш корпус содержит немало примеров и со словом *антиглобалист*, как например, название статьи «Антиглобалисты всех стран, объединяйтесь!» интернет - газеты консервативной направленности «Взгляд», которая цитирует слова президента РФ:

«Мы будем стремиться быть лидерами, добиваясь уважения к национальному суверенитету, самостоятельности и самобытности всех народов мира», – этой формулировкой в своем послании Владимир Путин фактически подтвердил, что Россия становится оплотом сопротивления всех традиционных сил политике глобализации, стирающей народы и уничтожающей цивилизации. (*Взгляд*, 13 декабря 2013).

Таким образом, вывод о доминирующей дискурсивной формации в современной России напрашивается сам собой.

Заключение

Наше небольшое исследование, посвященное дискурсивной истории слов, образующих семантическую парадигму *европеец/космополит/глобалист* показало, что смысл двух первых понятий *европеец* и *космополит* формировался в течение двух столетий в зависимости от того, в каком типе дискурса они употреблялись: славянофильском или западническом, либеральном или почвенническом, гуманистически-универсальном или советско-тоталитарном. Смысл недавно возникшего понятия *глобалист* находится еще в процессе становления. Анализ контекстов этих слов в дискурсивном пространстве современной России позволяет сделать вывод о том, что за последние двадцать пять лет речевая ситуация менялась по меньшей мере два раза: если в 90-е годы прошлого века более востребованным выступал либеральный дискурс, ориентированный на западные ценности, то доминирующей дискурсивной формацией последнего десятилетия стал националистический дискурс, пропагандирующий патриотизм и преимущества консервативных российских ценностей над западными. Вместе с тем, следует ожидать, что в эпоху Интернета традиционные концепты обогатятся новыми смыслами, и возникнут новые дискурсивные ситуации, которые позволят российскому

лингвистическому сообществу идти в ногу со временем и не оставаться на обочине современности.

Список использованной литературы

А) Зеленин А.В., *Космополиты и почвенники*, [в:] Русская речь, <http://russkayarech.ru/files/issues/2003/1/22-zelenin.pdf>.

Макаров М.Л., *Основы теории дискурса*, Москва, 2003.

Серио П. (ред.), *Квадратура смысла: Французская школа анализа дискурса*. Пер. с фран. и португ., Москва, 1999.

Серио П., *Как читают тексты во Франции*, [в:] Квадратура смысла: Французская школа анализа дискурса, Москва, 1999, с. 12-53.

Степанов Ю.С., *Константы: Словарь русской культуры*, Москва, 2004.

В) Adam J.-M. *La linguistique textuelle. Introduction à l'analyse textuelle des discours*, Paris, 2006, с. 28.

Kastler L., *Histoire discursive des mots : russité/non-russité*, [в:] V. Beliakov (dir), *La société russe à travers les faits de langues et les discours*, Dijon, 2009, s. 67-76.

